

Библиофил

Наталья Ванханен

Рыцарь Культуры

Алексей Смирнов. «Иван Цветаев. История жизни». Издательство «Вита нова». Санкт-Петербург, 2013

Хорошо помню то время, когда на здании Музея изобразительных искусств имени Пушкина не было никаких памятных досок, а мы, нелюбопытные московские школьники, ни о чем и не спрашивали. Казалось, этот торжественный портал, эти прекрасные стройные колонны и многофигурный фриз существовали всегда, от сотворения мира. А как же иначе? Разве могло такое быть, чтобы Москва когда-нибудь обходилась без музея европейской, мировой классики? Чтобы у Петербурга – Эрмитаж, а у Москвы – ничего? Ну, Третьяковка-то само собой, а что касается Европы... Впрочем, и названия вокзалов в Петербурге – Финляндский, Варшавский. Ясное дело, в Европу поезда идут. А из Москвы – куда? В Савёлово? В Ярославль?

Как нечто само собой разумеющееся мы воспринимаем теперь и богатую коллекцию музея, и многочисленные грандиозные выставки, проходящие в его стенах, и музыкальные декабрьские вечера. Как короли, поднимаемся по торжественной мраморной лестнице, окидываем взглядом изящную галерею, просторный, полный воздуха Белый зал – наше достояние и достояние человечества. Между тем один из главных творцов этой красоты Иван Владимирович Цветаев (1847–1913) долгое время оставался в тени и безвестности. Как же так?

Профессор университета в дореволюционной России, просвещенный монархист, создатель Музея Александра III, отец поэтессы-эмигрантки, чье имя было под запретом до шестидесятых годов прошло-

го века, – фигура в ту пору сомнительная. Написать о нем и не сказать о ней нельзя. А ведь о ней – *нельзя!*

Это теперь о Марине Цветаевой написаны горы книг и у нас, и за рубежом. Она – поэт мирового значения, со всемирной славой. И вот поди ж ты – новый парадокс: теперь Иван Владимирович оказывается в тени своей знаменитой дочери. Он отец... Марины Цветаевой, стоит ли к этому что-нибудь добавлять? Оказывается, стоит! Книга Алексея Смирнова – портрет интересного, достойного человека и одновременно портрет целой эпохи. И в этом месте мне очень хочется начать по-новому, немного в старинном духе. Примерно так:

«Дорогой читатель! Если тебе наскучила пустопорожняя трескотня дня сегодняшнего и хочется почувствовать вкус настоящего, нужного людям дела, окунуться в атмосферу благородного служения культуре и знаниям, эта книга – для тебя».

Автор книги Алексей Смирнов – поэт, новеллист, литературовед, переводчик, а еще химик, специалист в области кристаллографии. Может быть, человек, знающий, как растет кристалл, лучше других способен представить, по каким законам развивается человеческая личность, как формируются грани души? Во всяком случае, ему удастся очень наглядно и убедительно показать, как истинная жажда знаний способна превратить сына провинциального священника из далекого села Талицы в большого ученого, филолога-классика, знатока искусств, создателя одного из самых значительных музеев Москвы, да и вообще нашей страны.

«Мы Москву задарили», – горько бросит Марина Цветаева, вернувшись из эмиграции и не найдя в Москве даже крыши над головой. И будет права – действительно задарили.

Конечно, Иван Владимирович Цветаев личность незаурядная, но как-то исподволь, само собой возникает догадка, что рядом – сотни подобных ему выходцев из разночинной среды, просто и достойно служащих отечеству. За судьбой одного человека, повторяю, стоит эпоха.

Автор привлек огромное количество самых разнообразных свидетельств и документов. Тут и письма самого Ивана Владимировича, и его дневники, и блистательные переписка и проза его средней дочери Марины, и воспоминания младшей – Анастасии, весьма одаренной писательницы.

В книге множество фотографий. Это и портреты членов семьи Цветаева, и выдающиеся деятели того времени, и виды Талиц, Тарусы, Москвы, Флоренции, старинные и нынешние, порой сделанные самим биографом.

Алексей Смирнов старается держаться в тени и все время предоставляет слово самим действующим лицам – пусть они расскажут историю своей жизни от первого лица. Так достовернее. И все же то тут, то там проскользнет личное впечатление или оценка автора, и от этого повествование только выигрывает. Нет-нет да и вспомнишь, что книга написана поэтом. Взять, например, описание поездки молодого Ивана Цветаева в Италию, где ему предстоит свидание с его невестой Варенькой Иловайской. Достоверно известно, что пара побывала во Флоренции. Вот что мы читаем.

«Будь эта книга романом, читателю довелось бы провести незабываемые дни в обществе Ивана и Вари.

По прихоти автора они отправились бы в предсвадебное путешествие в Венецию. Впервые очутившись на берегу Гранд-канала, Варенька вдохнула бы сырой, насыщенный йодом воздух Адриатики, увидела бирюзовые слитки отливающей серебром воды, колышущейся между узорными стенами мавританских дворцов, омывающей мраморные статуи в нишах, кажется доплескивающей до стрельчатых окон. В лакированной черной гондоле, выскользнувшей из-под синего чехла, под говорок вечерних мандолин она вплывала бы в узкие каналы, окаймленные ветхим камнем Средневековья, пересеченные поверху струнами вервий, на которых сушатся кружева семи столетий.

Она ступала бы на площадь Сан-Марко, украшенную белыми колоннами Прокураций, граненой стрелой Кампанилы, цветным чудом великого собора.

Обильные воды прилива затопляли бы площадь, поднимали пешеходов на высокие мостки, а кругом, как шорох, шелестело бы тревожно:

– Aqua alta... Aqua alta...¹

Утром – ясным венецианским утром – Иван Владимирович вез бы ее на вокзал, они садились бы в поезд и отправлялись в Равенну, где почиют в веках мозаики мавзолея Галлы Пладиции, где тускнеет угасшее золото и рдеют рубины, дарованные византийской казной сводам и стенам храма Сан-Витале.

А еще они поедут в Рим, и сбудется Варина мечта: жених поведет ее на Форум, он покажет ей Рим античный, который знает так, как будто живет здесь со времен цезарей...»² Дальше предполагается поездка влюбленных на юг – в Неаполь и на Сицилию, и лишь в самом конце итальянский сюжет делает изящное и совсем неожиданное колен-

Анастасия и Марина Цветаевы. Ялта, 1905

це в духе Набокова: «Однако свидетельств о том, как Иван и Варя провели свою весну в Италии, у нас нет. Влюбленные наконец воссоединились, и необходимость в переписке отпала. Известно только, что они были вместе. А из Флоренции, может быть, никуда и не уезжали»³.

До чего увлекательно написано и как изобретательно придумано! Может, герои в этих местах и вовсе не были, но, может быть, все-таки были? Зато мы-то, мы-то, читатели, уж точно там только что побывали и увидели их глазами поэта и путешественника. Вот какой подарок сделал нам потенциальный романист.

Книга рассказывает и о годах учения, и об изучении надписей осков (оскский язык – один из древних итальянских диалектов), и о преподавательской деятельности Ивана Цветаева. Женитьба на Варваре Дмитриевне Иловойской, рождение детей, внезапная смерть любимой жены, боль и растерянность вдовца, у которого на руках остались двое детей, один из них – полуторанедельный младенец, знакомство с Марией Александровной Мейн, ставшей второй женой Цветаева, рождение дочерей Марины и Анастасии – весь этот жизненный калейдоскоп разворачивается на фоне постоянной, упорной работы.

Строительство музея. Установка колонн центрального портика. 1905

¹ Высокая вода (итал.).

² Смирнов Алексей. Иван Цветаев. История жизни. С. 56.

³ Там же.

И.В. Цветаев и главный меценат музея Ю.С. Нечаев-Мальцов, пожертвовавший на музей более двух миллионов золотых рублей. 1912

Поразительно, как в тяжелых жизненных обстоятельствах этот тихий сдержанный человек находит в себе силы идти вперед, трудясь и жертвуя собой на благо науки и просвещения.

Главным свершением его жизни стало, конечно, создание музея. Сейчас трудно поверить, что музей задумывался как скромное собрание наглядных пособий по античности для студентов университета.

В Европе нарастал музейный бум, «Россия же оказалась на обочине этого движения. Да, при Московском университете существовал Кабинет изящных искусств. Им заведовал профессор Цветаев, сменивший на этом посту профессора Шварца. Однако по состоянию на 1889 год экспозицию кабинета отличала удручающая бедность. Собра-

ние монет, немного греческих ваз, несколько десятков гипсовых слепков с памятников классической скульптуры – вот и вся недолга.

Цветаев к тому моменту стал заметной фигурой среди московской профессуры – известным знатоком античности; имел опыт музейной работы; активно пополнял фонды – так, что новые поступления было уже негде размещать; знал лучшие мастерские по отливке бронзовых и гипсовых слепков. У Цветаева сложились хорошие отношения с директорами крупнейших музеев Европы, ему удалось привлечь внимание генерал-губернатора Москвы, известного коллекционера великого князя Сергея Александровича к работе своего университетского Кабинета»⁴.

Так начинался музей.

Биограф отмечает: «Любопытно, что создание одного из крупнейших музеев мира возглавил человек, не обладавший ни административными, ни финансовыми ресурсами, ни архитектурным образованием, ни строительным опытом»⁵.

Однако именно Цветаев инициировал и довел дело до логического завершения. Как ему это удалось? «Он оказался зодчим человеческих отношений – архитектором невидимых душевных взаимосвязей, партнерств, симпатий, дружб. Своей собственной преданностью делу, доходившей до самопожертвования, он подавал пример другим, а своей скромностью, деликатностью, юмором, душевной тонкостью создавал атмосферу доброжелательства и уверенности в успехе предприятия»⁶.

⁴ Смирнов Алексей. Иван Цветаев. История жизни. С. 107.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

И.В. Цветаев, Р.И. Клейн, Ю.С. Нечаев-Мальцов, И.И. Рерберг ► в группе итальянцев-мраморщиков на Колымажном дворе

Трудностей при создании музея встретилось великое множество. Поначалу касса денег не выделяла, а у самого Цветаева их не было. Приходилось искать жертвователей, меценатов. И они находились то тут, то там: и среди аристократов, и среди представителей купеческого сословия. Но чего это стоило Ивану Владимировичу!

Как увлекательную повесть читаешь о его хождениях по мукам в поисках средств. Ехать на поклон, просить, доказывать, убеждать – не многие выдержали бы этот адский труд, эти ежедневные усилия, зачастую тщетные. Цветаев выдерживал. Просить – унижительно, но он не думает об унижении, ведь не для себя же, а на общее дело! Что-то в нем от князя Мышкина. Наверное, чистота души и намерений, бесхитрость, полное отсутствие самолюбивой обидчивости.

День закладки музея – поистине великий день. Слезы выступают, когда читаешь, как все, от высоких гостей до каменщиков с тачками, помолясь перед началом большого дела, перекрестились на храм Христа Спасителя.

И тут же – молнией – личное ощущение странности происходящего. В чем странность? А как же, разве не странно: храм Христа Спасителя есть, а Музея изящных искусств нет? Ну, то есть *еще* нет. Мы-то сами помним как раз обратное – музей есть, а храма нет, вместо него – бассейн. Но это так, к слову.

Ярко, выпукло изображены в книге Алексея Смирнова жертвователи, дарители.

Главный из них – «хрустальный король» России Юрий Степанович Нечаев-Мальцов, владелец и ре-

форматор хрустального производства в городке Гусь. Получив огромное наследство, этот богатейший человек мог бы беспечно прожигать жизнь в Петербурге. Ан нет! Он расширяет хрустальное дело, вкладывает деньги в строящийся музей, сам едет на Урал, в каменоломни, чтобы обеспечить музей мрамором для облицовки. Причем не ждет лета, а отправляется туда лютой зимой, чтобы, как простой рабочий, «в меховой одежде и валенках, с помощью веревок и провожатых, взбираться на снежные высоты...»⁷. Конец фразы взят из благодарственного письма Ивана Цветаева. По всему чувствуется, что эти люди с таким разным материальным и общественным положением – родственные души, единомышленники, трудяги.

Мне кажется, Нечаев-Мальцов тоже заслуживает отдельного жизнеописания. Если мы будем больше осведомлены о том, какими трудами создавалось дело, нам, может быть, хоть немного стыдно станет от того, в какой упадок оно пришло в нашу эпоху, мы, может быть, хоть отчасти осознаем, что остановка производства в том же Гусь-Хрустальном – не частный случай, а национальный позор.

Читая, поневоле сравниваешь былое и нынешнее. С грустью, а то и с некоторым облегчением, убеждаешься, что неумный прагматизм встречался и в те времена, когда за окном, казалось бы, во всем блеске царствовал Серебряный век. Вот что писала Марина Цветаева: «Отношение к строящемуся музею было разное. Помню известного московского педагога Вахтерова, в 1909 году говорившего мне, тогда – гимназистке:

⁷ Цит. по: Смирнов Алексей. Иван Цветаев. История жизни. С. 155.

– Зачем музей? Сейчас нужны лаборатории, а не музеи, родильные дома, а не музеи, городские школы, а не музеи. Ничего! Пусть строят! Придет революция, и мы, вместо всех этих статуй, поставим койки. И парты. А что строят – ничего. Стены нам пригодятся»⁸.

Что-то очень знакомое, правда? Где-то мы это уже слышали, и не раз.

До боли знакомо и то, что Ивана Владимировича, абсолютного бессребреника – он ворочал музейными миллионами, а его собственный дом с прогнившими деревянными полами ветшал и буквально разваливался на глазах, – умудрились обвинить в халатности и недобросовестности. Он, «задаривший Москву», был уволен с должности директора Румянцевского музея и лишен пенсии, что было для него настоящей катастрофой.

И мало было гонений со стороны тупоголовых чиновников – на него обрушилась еще и разгромная критика эстета и знатока античности, автора двухтомника «Образы Италии» Павла Муратова. По мнению Муратова, следовало приобретать подлинники – пусть немногие, но подлинники, а не многочисленные гипсы. Пусть бы это был просто университетский музей, зато какой...

Я позволяю себе упомянуть лишь немногие поразившие меня эпизоды книги. Среди них рассуждение Алексея Смирнова о рыцарстве. Иван Владимирович Цветаев, тихий, слегка неловкий, молчаливый и вечно занятый, – истинный рыцарь. Ибо, по определению В.И. Даля, рыцарь – это «честный и твердый ратователь за какое-либо дело, самоотверженный заступник». Хранителем же рыцарских принципов в России всегда была вечно ругаемая и критикуемая снаружи и внутри интеллигенция.

В 1912 году музей был торжественно открыт в присутствии царской семьи. А в 1913 году Ивана Владимировича не стало.

Немногим дано сказать о себе: «Я совершил все, что мог». И.В. Цветаев в последний год жизни произнес эту фразу и имел на нее полное право.

Когда закрываешь эту умную и справедливую книгу – солидный, с кожаным корешком том в стиле XIX века (издательство «Вита нова» умеет выдержать стиль издания), – возникает ощущение, что прожил еще одну жизнь, гораздо более осмысленную и благородную, чем твоя собственная.

А еще одна жизнь, согласитесь, – бесценный подарок.

⁸ Цит. по: Смирнов Алексей. Иван Цветаев. История жизни. С. 290.

Торжественное открытие музея. 1912